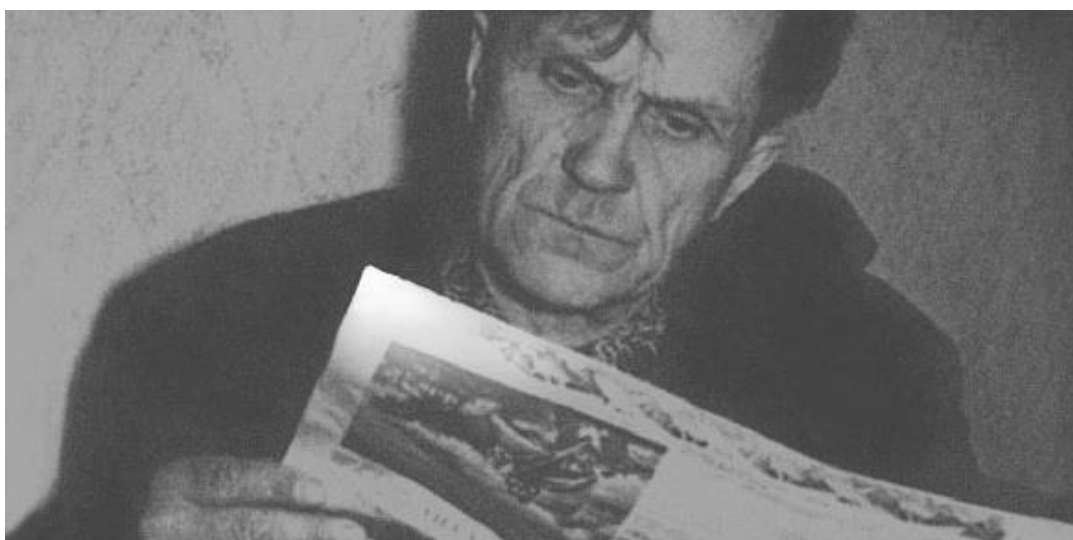

**КОНСПЕКТ
ПОСЛЕЛАГЕРНОЙ
БИОГРАФИИ
ВАРЛАМА ШАЛАМОВА**

Дмитрий Нич

© Дмитрий Нич
Конспект послелагерной биографии Варлама Шаламова,
2012, 2014, 2015, 2016, 2017

<http://imwerden.de/publ-3105.html>

Конспект сделан на основе написанной мной летом 2011 года для книги «Московский рассказ» (электронная версия в биб-ке ImWerden <http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books&pa=showbook&pid=3105>) краткой биографии Шаламова 1960-80-х годов, расширен за счет пятидесятих и дополнен фактами, которых я в то время не знал. На сегодняшний день эта сводка с максимальной полнотой и сжатостью освещает все стороны жизни и деятельности Шаламова послелазерного периода в необходимом отечественном и международном контексте. Там, где информации недостаточно, могут и даже должны встречаться неточности – в биографии Шаламова до сих пор множество белых пятен. Хронология событий внутри года строго не упорядочена.

ВОСХОЖДЕНИЕ
ПИК
КРАХ
АГОНИЯ

ВОСХОЖДЕНИЕ

1953

Ноябрь. Освобождение с Колымы. Перелет в Иркутск, оттуда по железной дороге в Москву. Встреча с женой, Галиной Гудзь, и Борисом Пастернаком, в течение многих лет кумиром Шаламова и адресатом его писем с «полюса холода». Поиски пристанища и работы в окрестностях Москвы – проживание в столице и больших городах бывшим заключенным запрещено. Отныне и на протяжении последующих тридцати лет «на свободе» политическая полиция не будет спускать с него глаз. Архив Шаламова сожжен родственниками. Квалификация лагерного фельдшера здравотделами Подмосковья не признается, Шаламов находит работу товароведом в стройуправлении в поселке Озерки Калининской области, живет в бараке, предназначенном для сезонных рабочих. Погружен в чтение рукописи романа Пастернака «Доктор Живаго», который скрупулезно рецензирует в письме к автору. Позднее (первая половина 1960-х – ?) в самиздате появится компиляция отрывков из шаламовских писем Пастернаку под названием «Мыслимый разговор с Борисом Пастернаком» авторства либо самого Шаламова, либо кого-то из близких ему людей. Казнь Лаврентия Берия.

1954

Первое упоминание в письме Пастернаку о поэтических сборниках внутри корпуса «Колымских тетрадей» – цикл «Сумка почтальона» (первый по очередности сборник, «Синяя тетрадь», стихийно получил имя от Пастернака). Невозможность наладить отношения с дочерью, воспитанной в духе сталинистского конформизма – живое опровержение «мичуринским» учением «вейсманистских» предпочтений Шаламова. Стихи пишутся непрерывно, кажется, «этот поток никогда не иссякнет». Начало

работы над короткой лагерной прозой. Устраивается экспедитором в предприятие по добыче торфа, квартирует в общежитии барачного типа в поселке Туркмен Калининской области, дважды в месяц по выходным несмотря на запрет приезжает в Москву к семье. Во время приездов нелегально останавливается у Натальи Кастальской, Софьи Балавинской, Лидии Бродской. «Работа в беспрерывных разъездах».

1955

Находит в Туркмене богатую поселковую библиотеку, укомплектованную сыльнопоселенцем инженером Караевым, которая «духовно воскрешает» его, жадно читает, наверстывая упущенное, в повседневной жизни молчалив и необщителен, в еде неприхотлив. «Состряпал, – как он выражается в январском письме колымчанину Добровольскому, – с десятков рассказов» (вдвое больше того, что дают датировки Сиротинской). Посещает Дрезденскую галерею, выставленную в Москве перед отправкой в Германию, выносит сильное впечатление, которым щедро делится в письмах. Короткая поездка в Ленинград. Подает заявление на имя генерального прокурора с просьбой о реабилитации. С профессиональной точки зрения существует вне какой бы то ни было литературной среды. В самом общем виде прозаический замысел Шаламова содержит сотню рассказов – цифра вполне условная, характеризующая только масштаб задуманного, соотносимый с «Доктором Живаго» Пастернака и вообще классиками. По собственному признанию, измучен работой и отсутствием душевной поддержки во всех начинаниях. Поездка в Петрозаводск. Живо переписывается с товарищами по Колыме, к концу пятидесятых эта переписка сойдет на нет. Вынашивает «трактат о ворах».

1956

Подробное письмо Пастернаку с анализом второй части «Доктора Живаго». Двадцатый съезд партии, на котором Хрущев делает свой знаменитый секретный доклад, разоблачающий «культ личности» Сталина. Короткий и страстный, в том числе эпистолярный, роман Шаламова с возлюбленной Пастернака привлекательной и циничной авантюристкой Ольгой Ивинской, к которой он ездит на дачу в Измалково близ Переделкино.

Подает просьбу о реабилитации и реабилитирован «по вновь открывшимся обстоятельствам» с разрешением жить в Москве по делам 1937 и 1943 гг., но не 1929-го, то есть в глазах режима остается отбывшим наказание политическим преступником. Вторая личная встреча с Пастернаком. Знакомство с подругой Ивинской детской писательницей Ольгой Неклюдовой. Разрыв с Ивинской и как следствие – с Пастернаком, последним, впрочем, едва замеченный. Спустя десять лет глубоко уязвленный Шаламов в письме к Надежде Мандельштам назовет Ивинскую «какой-то сухой», под влияние которой Пастернак попал по «суетности и малодушию». Развод с Галиной Гудзь, по мнению Шаламова, беззастенчиво использовавшей его для сближения с окружением Пастернака, женитьба на Неклюдовой и переезд в Москву, в коммунальную квартиру на Гоголевском бульваре. Устройство за нищенскую плату внештатным корреспондентом в журнал «Москва». Подавление советским режимом Венгерской демократической революции. Папка Шаламова в госбезопасности постоянно пополняется донесениями стукачей и фотографиями, сделанными при слежке. Среди написанных за три года рассказов – «Одиночный замер», «По снегу», «Шоковая терапия», «Медведи», «Апостол Павел», «Букинист», «Татарский мулла и свежий воздух».

1957

На протяжении второй половины пятидесятых работает над «материалом о ворах», который позже будет оформлен в сборник «Очерки преступного мира». Сходится и поддерживает дружеские отношения с поэтом Борисом Слуцким. Публикация первой подборки из шести стихотворений в журнале «Знамя». Навещает вместе с пасынком Сергеем Неклюдовым живущую в Сухуми сестру Галину Сорохтину. Случайная встреча с товарищем по Москве двадцатых годов, бывшим лагерником рязанцем Яковом Гродзенским, который до конца жизни будет оставаться заботливым и преданным другом Шаламова. Переводчик Андрей Сергеев отмечает «поразительную встречаемость» Шаламова, т.е. его мобильность и интерес к жизни. Ликвидация Дальстроя. Арест в райцентре Ягодное на Колыме товарища Шаламова Аркадия Добровольского и политический процесс в духе классических расправ минувшей эпохи, за которым встревоженный и удрученный Шаламов следит через жену Добровольского Елену Орехову.

Журналы возвращают стихи (более сотни), взятые год назад. Публикация небольших очерков на актуальные темы в разделе «Смесь» в журнале «Москва»; всего в течение 1957-58 гг. здесь будет напечатан десяток шаламовских статей и заметок. «Литературная газета» публикует рецензию на подборку стихов Шаламова в журнале «Знамя». Ощутимое политическое «похолодание», предвещающее откат к сталинизму. Встречается в Москве с колымским товарищем магаданцем Борисом Лесняком, которого не видел несколько лет. Выход в Италии романа Пастернака «Доктор Живаго». Переезд с Гоголевского бульвара в коммунальную квартиру на Хорошевскую улицу, 10, в дом на грохочущем шоссе, рядом с железной дорогой и цементным заводом. Резкое ухудшение состояния здоровья, приступы с потерей сознания и многомесячная госпитализация в Институте неврологии, а затем в Боткинской больнице, где Шаламову ставят диагноз «болезнь Меньера». Близко наблюдавший Шаламова Сергей Неклюдов обрисовал случившееся в таких словах: «...он ведь производил впечатление невероятно крепкого, жилистого, кряжистого, очень сильного физически... человека. И прошло несколько месяцев... – все поехало, знаете, как будто из человека вынули какую-то важную ниточку».

1958

Получение третьей группы инвалидности с ничтожной пенсией. Шаламов бросает курить, начинает регулярно принимать сильнодействующее снотворное; алкоголь он не переносит. Еще одна поездка в Сухуми к сестре. Присуждение Пастернаку Нобелевской премии, травля его в советской печати, исключение из Союза писателей и отказ от премии, который Шаламов, по донесению осведомителя госбезопасности, порицает и считает непростительной ошибкой с далеко идущими литературными и общественными последствиями. По словам Ольги Ивинской, возмущенный отказом Пастернака от премии Шаламов позвонил ей и сказал, что «одна литературная Нобелевская стоит тысячи холуйских Сталинских премий». Подборка из пяти стихотворений в журнале «Москва». Написаны рассказы «Шерри-бренди» (по другим данным – 1954*) и «Васька Денисов, похититель свиней». 1958-59 – поездка с Неклюдовой в Ленинград.

1959

Переход на работу внутренним рецензентом в журнал «Новый мир». Материальное положение семьи граничит с нищетой, однако Шаламов упорно и продуктивно работает над колымской прозой, не имеющей, кстати, ни малейших шансов быть напечатанной, как, впрочем, и шаламовские стихи в журнале Твардовского с его эстетическими «провинциальными» установкам прошлого века. Среди рассказов, написанных за год – «Сухим пайком», «Сука Тамара», «Крест», «Май», «Июнь» (ответ на военную тематику официальной советской литературы), «Берды Онже», «Ягоды», «Выходной день».

1960

Семья занимает две комнаты коммуналки, одна из которых причудливо разгорожена на крохотные «пеналы» для Шаламова и Сергея Неклюдова. Изнуряющая поденщина в «Новом мире» в качестве рецензента журнального «самотека». Без сомнения, не выпадает из поля зрения политической полиции, материалы которой по Шаламову шестидесятых-восьмидесятых годов так и не рассекречены либо вообще уничтожены. Смерть Пастернака, продолжающего оставаться в глазах Шаламова великим поэтом и выдающимся прозаиком, проявившим, однако, недостойную слабость в ни на гран не утратившей актуальности истории с Нобелевской премией. Шаламов присутствует на похоронах. Пишет для «Знамени» серию очерков о Москве двадцатых годов («Осколки двадцатых годов»), которые журнал не печатает, а напечатают спустя двадцать с лишним лет за границей. С дочерью Еленой, жестоко выговорившей отцу за уход от матери, Шаламов отношений не поддерживает. Дочь тем временем переносит болезнь, вследствие которой биологическая линия Шаламова прерывается. Наведывается в Переделкино.

1961

В издательстве «Советский писатель» под редакцией Виктора Фогельсона, с тех пор неизменного редактора всех изуродованных цензурой и редакторской правкой поэтических книжек Шаламова, крохотным для того времени тиражом (2000 экз.) выходит сборник стихов «Огниво».

XXII съезд правящей коммунистической партии решает вынести мумию Сталина из Мавзолея, политическая атмосфера либерализуется. Солженицын через Копелевых передает в «Новый мир» Твардовского рукопись повести «Щ-854», известной под нейтральным названием «Один день Ивана Денисовича». Среди рассказов Шаламова, написанных за два года – «Припадок», «Стланик», «Надгробное слово», «Посылка», «Академик». До сих пор весь массив написанного, включающий порядка шестидесяти рассказов и очерков, фигурирует под общим названием «Колымских рассказов», принадлежащем, возможно, не самому Шаламову, а, так сказать, носящемуся в воздухе; оформлен только первый цикл, давший название всему корпусу. В начале шестидесятых Шаламов покупает пишущую машинку «Эрика».

1962

Сборник «Колымские рассказы» из 33 текстов получает вид, близкий к окончательному. Продолжает работать за гроши внутренним рецензентом «Нового мира». Твардовский отвергает «колымскую» прозу Шаламова в составе первого цикла, рекомендованную ему заместителем главного редактора Алексеем Кондратовичем и писателем Георгием Владимовым; по свидетельству Сергея Григорьянца со слов также ходатайствовавшего за Шаламова заместителя редактора Игоря Саца, Твардовский отзывается о КР как о «каких-то очерках». Шаламов выступает в телевизионной программе с чтением стихов, запись передачи не сохранилась. Карибский кризис. Знакомство Шаламова со скульптором и литературоведом Федотом Сучковым, в будущем автором надгробного памятника на могиле писателя, и с Александром Солженицыным, еще до публикации «Ивана Денисовича». Повесть выходит в «Новом мире», и Шаламов отзывается о ней восторженно, хотя и с некоторыми критическими замечаниями; в ближайшие пару лет повесть распространится по СССР общим тиражом под миллион экземпляров, сделав имя Солженицына известным всей читающей публике. «Литературная газета» отклоняет предложенную Шаламовым подборку стихов. Твардовский также отклоняет стихи Шаламова, рекомендованные ему Солженицыным. Вологодское книжное издательство в лице директора Владимира Малкова отказывается принять сборник его стихов. Поэтический сборник, предложенный Шаламовым издатель-

ству «Молодая гвардия», тоже не увидит свет. Вместе с Арсением Тарковским и еще двумя поэтессами незамеченным выступает на организованном Слуцким поэтическом вечере в старом здании МГУ. В конце года предлагает сборник «Колымские рассказы» издательству «Советский писатель», которым руководит сталинист и агент госбезопасности Николай Лесючевский. В сборнике «День поэзии-62» четыре стихотворения Шаламова. Состояние здоровья и мнительность заставляют вести его несколько чудаческий образ жизни профессионального инвалида.

1963

Интенсивное общение и переписка с Солженицыным, чьи письма Шаламову до сих пор не опубликованы. Недолго гостит у него на даче в Солотче, откуда возвращается с «белыми от ярости глазами», свидетельствующими о несовместимости двух этих человеческих типов. «Литературная газета» отклоняет стихи из «Колымских тетрадей». Знакомится с Юрием Домбровским, находящим в «Колымских рассказах» «тацитовскую лапидарность и мощь». Готовит новый поэтический сборник. Быт, обстановка аскетичной клетушки – кровать, стол, пара стульев, тумбочка, наглухо задраенное окно. Знакомство с Олегом Волковым, автором книги воспоминаний «Погружение во тьму». ЦГАЛИ выдвигает Солженицына на Ленинскую премию, Шаламов – его горячий сторонник. Магаданец Борис Лесняк снабжает Шаламова необходимыми для работы книгами. В самиздате («в начале 60-х годов»), по словам филолога диссидента Юрия Мальцева, ходят три «толстых машинописных тома» «Колымских рассказов»**, о машинописном трехтомнике упоминает и поэт Олег Чухонцев, правда, без временной привязки. По словам Алексея Симонова, во второй половине пятидесятых – первой половине шестидесятых у Шаламова имеется несколько тайников для накапливающихся «Колымских рассказов», один из них – у тетки Симонова Софьи Ласкиной. Как минимум однажды посещает ведомственный Дом творчества в Голицыно под Москвой. Шаламову не чужд азарт футбольного болельщика – он фанат московского «Спартака», особенно в его играх против армейского футбольного клуба. Другую спортивную страсть, шахматы, он давно обуздал, почувствовав, что она начинает мешать его литературной работе, хотя за турнирами класса матчей на звание чемпиона мира продолжает следить увлеченно и с

прилежанием. Среди рассказов, написанных за два года – «Утка», «Прокаженные», «Необращенный», «Уроки любви».

ПИК

1964

На предложение Солженицына вместе писать «Архипелаг ГУЛАГ» отвечает категорическим отказом, однако в ноябре отправляет ему письмо, явно предназначенное для будущей «истории лагерей». Создает, среди прочего, рассказы «Почерк», «Кусок мяса», «Поезд». Поездка в Тарусу. Издательство «Советский писатель» возвращает Шаламову сборник «Колымские рассказы», пролежавший там более полутора лет, аргументируя тем, что его «герои лишены всего человеческого, а авторская позиция антигуманистична». В течение года этот шлагбаум развернет Шаламова к решению передать отвергнутую книгу на Запад. Усилиями Гродзенского и колымских друзей получает надбавку к пенсии за «горняцкий стаж» и бросает опостылевшую работу внутренним рецензентом. При жизни Шаламова «Новый мир» не опубликует ни одной его строчки, а Твардовский так и не сочтет нужным с ним встретиться (во всем «новомирском дневнике» Твардовского Шаламов мимоходом упоминается один раз и то в примечании, сделанном впоследствии дочерью, а сам Шаламов пишет о «категорическом отказе Твардовского» печатать его рассказы и стихи). В издательстве «Советский писатель» выходит сборник стихов «Шелест листьев». Поездка с Неклюдовой в Ленинград, где Шаламов видится с проживающими там земляками-вологжанами и товарищами по Колыме. Будучи членом Литфонда, предложения о вступлении в ССП неизменно отклоняет. Посещает «Вечера забытой (репрессированной) поэзии», которые проводит в МГУ Сергей Григорьянц. Формулирует доморощенное нравственное учение «живых Будд» – высокой пробы интеллигентов и людей искусства, чьи слова не расходятся с делом, – к которым стихийно относил еще Пастернака, а впоследствии будет причислять Ахматову, Н. Мандельштам и, несомненно, себя, в конце концов разочаровавшись во всех. Отставка Хрущева – лучшего, согласно Шаламову, что возможно при со-

ветском режиме. Окончательное превращение брака с Ольгой Неклюдовой в простое сожительство в соседних комнатах коммунальной квартиры. Начало дружбы и доверительных отношений с Натальей Столяровой, в юности возлюбленной поэта Бориса Поплавского, по возвращении в СССР лагерницей, а ныне секретарем Ильи Эренбурга, связанной с парижской русской эмиграцией правоцентристского толка. Знакомство с диссидентом Сергеем Григорьянцем, через которого списки «Колымских рассказов», поначалу без ведома Шаламова, попадут на Запад – в Германию и Италию, судьба этих списков неизвестна. Ирина Сиротинская поступает на работу архивистом в ЦГАЛИ. Солженицын с помощью Натальи Столяровой на всякий случай передает через знакомого и Шаламову Вадима Андреева фотокопии своих произведений на Запад. Журналистка Фрида Вигдорова, известная стенограммой процесса над Иосифом Бродским, по собственной инициативе тиражирует и распространяет в самиздате машинописный том «Колымских рассказов». Эта двухсотпятидесятистраничная книга (хранится в архиве Международного Мемориала, произвольно датируется 1966 годом), оригинал которой восходит к авторской редакции рубежа 1964-65 гг., состоит из двух частей: окончательно оформленный цикл «Колымские рассказы» и безымянный «Сборник второй», подобие «цикла» из 11 новелл, вошедших впоследствии в «Левый берег». Создавшаяся критическая масса вызывает лавинообразный процесс порождения новых текстов – в течение четырех лет (1964-67) Шаламовым написано около половины всех «Колымских рассказов».

1965

Впечатляющее выступление на мехмате МГУ на вечере, посвященном Мандельштаму; Шаламов не знает, что рассказ о смерти поэта, который он читает со сцены, окажется пророческим; знакомство с его вдовой, быстро переходящее в тесную дружбу. Немного позже сближается с бывшим лагерником, филологом и философом Леонидом Пинским, принимаемым вместе с Шаламовым за структурирование огромного массива уже написанного. Убедившись, что о публикации своей колымской прозы в СССР можно забыть, Шаламов – еще в одиночку – готовит для издания за границей сборник «Колымские рассказы»; ему должно сопутствовать предисловие (написание предисловия – очевидный показатель готовности

Шаламова опубликовать, наконец, книгу), печатавшееся впоследствии Сиротинской как эссе под названием «О прозе» – первая серьезная попытка автора сформулировать принципы своего искусства повествования. Передача сборника за рубеж откладывается, по-видимому, в связи с арестом Синявского и Даниэля и последующими событиями. Побочным эффектом этой задержки станет то, что на будущий год Шаламов отошлет в Америку уже три сборника колымской прозы – таков его ответ на приговор советского суда двум получившим большие сроки отщепенцам-антисоветчикам. Первое упоминания в письме Шаламова к Мандельштам о циклах помимо собственно «Колымских рассказов» – «Артист лопаты», «Левый берег», «Уроки любви». В журнале «Сельская молодежь» публикуется рассказ «Стланик» – единственный текст из КР, напечатанный в СССР при жизни Шаламова. Сергей Григорьянц безуспешно предлагает «Колымские рассказы» в киевскую «Радугу» и другие журналы. Подборка из шести стихотворений в журнале «Знамя». На Западе напечатанные в СССР рассказы Солженицына переиздаются отдельными книгами. Американский режиссер Дэвид Лин экранизирует роман «Доктор Живаго»; фильм с бюджетом 11 миллионов долларов и Омаром Шерифом в главной роли получает пять Оскаров и пользуется у публики невероятным успехом. Шаламов случайно узнает о местонахождении физика Георгия Демидова, своего колымского товарища и без преувеличения образцового русского интеллигента, проживающего в Ухте, работающего инженером-рационализатором и пишущего собственную колымскую прозу, весьма, впрочем, далекую в стилевом отношении от «новой прозы» Шаламова. В самиздате ходит расширенный вариант упомянутой выше двухчастной машинописной книги КР общим объемом не менее 270 страниц. Смерть Фриды Вигдоровой. Прочно укореняется в диссидентском окружении Надежды Мандельштам (у которой, по словам Кларенса Брауна, бывает несколько раз в неделю), Пинского, супругов Джорджа и Елены Грин, с которыми знаком и через Н. Мандельштам, и через свою машинистку Елену Колобашкину-Кавельмахер. Среди знакомых Шаламова шестидесятых годов – литературовед, семиотик Юрий Лотман, литературовед и переводчик Вера Клюева, художник Владимир Вейсберг, американские слависты Сидней Монас и Джеймс Биллингтон, филолог Эмма Герштейн, географ Елена Лопатина, драматург Александр Гладков, диссиденты историк Рой Медведев, бард Александр Галич, учитель Анатолий Якобсон,

литературовед и переводчик Лев Копелев, семиотик Вячеслав Вс. Иванов, краевед Александр Храбровицкий и многие другие. Коренным образом меняет свое отношение к Солженицыну на неприятие и презрение, аттестуя его: «авантюрист и делец», – хотя инерция отношений продолжится еще года три. Демидова «прорабатывают» в Ухтинском горкоме партии за антисоветскую направленность сочинений. Гибель шаламовской кошки Мухи, повергающая его в глубокую скорбь. Единственная встреча Шаламова с Анной Ахматовой, которую он спустя несколько лет переосмыслит с брезгливостью и сарказмом. Знакомство с активисткой самиздата и диссиденткой геологом Натальей Кинд и ее мужем историком культуры Иваном Рожанским, связанными с европейской русской диаспорой и переправляющими неподцензурную литературу на Запад. Поездка в Верею на дачу к Надежде Мандельштам. Подборки из девяти стихотворений в журнале «Юность» и семи в архангельском альманахе «Поэзия Севера». Творческий пик Шаламова – среди написанного за этот год рассказы «Прокуратор Иудеи», «По лендлизу», «Сентенция» (с посвящением Н. Мандельштам), «Погоня за паровозным дымом», «Облава», «Лида». Сборники рассказов Солженицына, печатавшихся в «Новом мире», выходят за рубежом в переводах на английский и немецкий. Присуждение Нобелевской премии Михаилу Шолохову. Демонстрация на Пушкинской площади в поддержку находящихся под следствием Синявского и Даниэля, из наблюдения за которой, по свидетельству Вячеслава Вс. Иванова, Шаламов выносит «обнадеживающее» впечатление.

1966

Встреча Нового года у Надежды Мандельштам в компании филологов Живовых и диссидента Вадима Борисова. По мнению хозяйки, «Шаламов – лучший прозаик двадцатого века». В течение трех последующих лет бывает у нее по меньшей мере еженедельно. Знакомит Демидова, проводящего в Москве отпуск, со своими друзьями. Суд над Синявским и Даниэлем, горячо обсуждающийся в полуподпольных диссидентских кругах, в частности, в доме Пинского, где зачитывается шаламовское «Письмо старому другу»: «Может ли быть в правде прошлой нашей жизни граница, рубеж, после которой начинается клевета? Я утверждаю, что такой границы нет, утверждаю, что для сталинского времени понятие клеветы не мо-

жет быть применено. [...] Что было бы, если бы Рей Брэдбери жил в Советском Союзе, сколько бы он получил лет – 7? 5? Со ссылкой или без нее? [...] Как можно обвинять писателя в том, что он хочет печататься? [...] Море человеческой крови было пролито на советской земле, а Горький освятил массовые убийства». Это письмо будет анонимно опубликовано в «Белой книге» по делу Синявского и Даниэля, составленной диссидентом Александром Гинзбургом, и квалифицировано на суде как «антисоветское». Судя по дневнику Александра Гладкова, в либерально-диссидентских кругах посвященных оно воспринимается как ответ Шаламова на кровожадный призыв Шолохова с трибуны партийного съезда к расправе над Синявским и Даниэлем и вообще писателями, осмеливающимися в обход начальства публиковать свои произведения за границей. Об авторстве Шаламова догадываются, но вслух не говорят, и сам Гинзбург определенно узнаёт об этом только по выходе из лагеря от Леонида Пинского. Столярова рассказывает Шаламову выдуманную историю о гимназической золотой медали матери, которая ляжет в основу большого неудачного – и вызвавшего неудовольствие Столяровой – рассказа «Золотая медаль». В близком к каноническому варианту оформлены циклы «Артист лопаты» и «Левый берег». Шаламов интенсивно работает над будущим сборником «Воскрешение лиственницы», для которого пишет одноименный рассказ (неявно посвященный Н. Мандельштам), а также новеллы и стихотворения в прозе «У Флора и Лавра» (фактически посвященное Наталье Столяровой и почему-то оставшееся за пределами корпуса и в самиздатском собрании сочинений, и в публикациях Сиротинской), «За письмом», «Белка», «Храбрые глаза», «Водопад», «Рябоконь». Мимолетное знакомство у Надежды Мандельштам с Иосифом Бродским, кажется, пробудившим в Шаламове холодную антипатию. По словам Лесняка, относит в издательство «Советский писатель» комплект «Колымских рассказов» – вторично, поскольку два года назад их уже отклонили. Не совсем понятно, действительно ли Шаламов предлагал их издательству, в каком количестве, сколько они там пролежали и когда были возвращены. По значительно более весомому свидетельству критика Олега Михайлова, в издательстве в то время лежали «Очерки преступного мира», на которые он писал внутреннюю рецензию. Издает в подпольной переплетной мастерской Пинского неподцензурный двухтомник «Колымских тетрадей», включающий шесть циклов стихов и почти без изменений копировавший-

ся потом Сиротинской для российских изданий, где она числится составителем. С архивисткой Ириной Сиротинской, своей будущей любовью и душеприказчицей, знакомится по ее инициативе весной этого года и соглашается сотрудничать с ЦГАЛИ; той же весной знакомится с Ириной Каневской, которая впоследствии по просьбе автора переправит его пятитомник колымской прозы в Париж для издания собранием сочинений. Через знакомого Надежды Мандельштам слависта-мандельштамоведа Кларенса Брауна передает, по-видимому, Глебу Струве в Америку шестисотстраничный машинописный список трех сборников – «Колымские рассказы», «Артист лопаты», «Левый берег» – включающий около сотни текстов, для издания книгами (по утверждению шаламововеда С. Соловьева, в архиве Шаламова «есть намеки на участие в этом процессе А.В. Храбровицкого», если так, то в дело может быть замешан сотрудник «Русской мысли» и НТС-овский активист парижанин Александр Сионский. Джон Глэд не исключает, что Шаламов передавал рукопись «в разных вариантах и в разное время», а Гуль, как недавно обнаружилось, пишет, что «получил двумя путями две разные рукописи». Вопреки намерениям и авторской воле Шаламова рассказы попадают в «Новый журнал», редактируемый Романом Гулем (которому Браун по непонятной причине передает список), и в течение одиннадцати лет издевательски печатаются небольшими подборками, подвергаясь к тому же неумеренной правке. Борис Лесняк пытается устроить Шаламову «рабочее место» в своей пустующей московской квартире, но безуспешно – устав жилищного кооператива не позволяет в отсутствие хозяев давать ключи от дома чужим. Задумывает оставшуюся неосуществленной повесть, в основе которой – биографии эсерки-террористки Натальи Климовой и ее дочери репатриантки и активистки диссидентского движения Натальи Столяровой. Поездка в Псков к знакомым Н. Мандельштам. Встреча с Ильей Эренбургом, «Колымских рассказов», впрочем, не читавшим и, похоже, так и не прочитавшим. Эренбург: «Шаламов злой, но не в этом сила». Драматург Александр Гладков отмечает в Шаламове «своего рода фанатизм», сочетающийся со «сложным быстрым умом, вкусом, тонкостью». На сына Пастернака Евгения Шаламов производит впечатление «очень сильного человека, раздавленного танком или что-то вроде того». Подборка из семи стихотворений в архангельском сборнике «Поэзия Севера». Федот Сучков создает деревянный скульптурный портрет Шаламова, тот в благодарность дарит ему

обширный список «Колымских рассказов». Впечатление от Шаламова Анджея Дравича: «Лицо, выдубленное лагерным Севером еще более сильно и жестоко, чем лицо Домбровского, с глубоко врезанными желобами морщин». Подборка из пяти стихотворений в журнале «Юность». Солженицын выступает с чтением отрывков из своих произведений в залах уважаемых московских учреждений, в одном из выступлений упоминает Шаламова: «Колыму он исчерпал». Официальный развод Шаламова с Ольгой Неклюдовой. Знакомит Сиротинскую с Надеждой Мандельштам, которая привлекает ее к изъятию архива мужа у текстолога Николая Харджиева и, по словам Сиротинской, обещает взамен передачу этого архива в государственное хранилище. Отказ журнала «Наш современник» печатать «Очерки преступного мира» (единственное упоминание в прижизненной советской критике о колымской прозе Шаламова характеризовало ее как книгу об уголовниках). Примерно тогда же издательство «Московский рабочий» отклоняет стихи Шаламова, лежавшие там как минимум с прошлого года, о внутренней рецензии на эту несостоявшуюся книжку упоминает мемуарист Александр Зорин (хотя речь у него ошибочно идет о «последнем сборнике»). «Мое завещание» Надежды Мандельштам.

1967

По имеющимся свидетельствам, опять встречает Новый год в доме Надежды Мандельштам вместе с Натальей Столяровой и Вадимом Борисовым. Постоянное присутствие симптомов неврологического заболевания, которые диагноз, поставленный в пятидесятых годах в Боткинской больнице, позволяет отнести к болезни Меньера: головокружения, глухота, некоординированность движений, иногда припадки с потерей сознания. Лечится у профессора-невропатолога Петра Перли. Арест Александра Гинзбурга. Солженицынское «Письмо съезду» Союза советских писателей мобилизует фрондирующую интеллигенцию на подписание петиций в его поддержку, Шаламов же видит в «Письме» ничем не угрожающую автору расчетливую саморекламу. Поездка Шаламова в Ленинград на могилу Ахматовой (по несколько сомнительному сообщению Бориса Лесняка, отношения с которым к тому времени заметно охлаждаются). Выходит его третья поэтическая книжка, «Дорога и судьба» – «обломки Колымских

тетрадей», «собрание стихов-калек, стихов-инвалидов (как и в «Огнive» и в «Шелесте листьев»)). Последний обмен письмами с Солженицыным: «роман умер». В Кельне без ведома автора со списка, полученного, возможно, немецкими студентами от Сергея Григорьянца и включающего цикл «Колымские рассказы», издательство Фридриха Миддельхауве выпускает на немецком сборник под названием «Статья 58. Записки заключенного Шаланова», с той же искаженной фамилией переведенный впоследствии на французский, африкаанс и голландский. 1967-68 – первые рецензии на это издание в западногерманских газетах и журналах. Шаламов посещает с Сиротинской выставки живописи (его любимцы – Ван Гог и Гоген), много бывает в театре. Художник-нонконформист Борис Биргер пишет его портрет. Через Александра Гладкова приглашает в гости Юрия Трифонова, но встречи, судя по всему, так и не происходит. Знакомство с мандельштамоведом Александром Морозовым, энтузиастом-«сектатором», в будущем опекуном Шаламова в доме престарелых. Солженицын через Наталью Столярову и Ольгу Андрееву-Карлайль спешит издать за рубежом роман «В круге первом»; одновременно с Солженицыным Столярова знакомит с Карлайль и Шаламова, подробности их общения неизвестны. Издательство «Советский писатель» возвращает Шаламову лежавшую там рукопись «Очерков преступного мира», а также некоторое количество «колымских» рассказов. Франкфуртская еженедельная газета «Посев», орган НТС, публикует два его рассказа. Параллельно следствию и суду над Александром Гинзбургом госбезопасность учиняет у Шаламова обыски. Работа Шаламова и Леонида Пинского над составлением корпуса «Колымских рассказов» (неясно, из четырех или пяти сборников включая «Очерки преступного мира»), и издание ими к 60-летию Шаламова неподцензурного машинописного собрания сочинений тиражом в 4-6 или более экземпляров. Георгий Адамович публикует в парижской газете «Русская мысль» рецензию на последний сборник стихов Шаламова, которую тот по ознакомлению называет «умной, значительной, сердечной, раскованной». Подборка из восьми стихотворений в журнале «Юность». Разрыв с Демидовым на почве эстетических и мировоззренческих разногласий. Поездка в дачный поселок Мичуринец на свадьбу пасынка, знакомство с Юрием Лотманом и Борисом Успенским. Геннадий Айги посвящает Шаламову несколько стихотворений, среди них «Степень: остоики». После напоминания Сиротинской об обещании Надежды

Мандельштам передать архив мужа в ЦГАЛИ последняя отказывает ей от дома. «Колымские рассказы» продолжают публиковаться в нью-йоркском «Новом журнале», книги до сих пор нет. Мимолетное знакомство с Генрихом Бёллем. Столярова и Кинд, возможно, передают на Запад еще одну рукопись «Колымских рассказов», судьба которой неизвестна. В записке эмигранту Александру Сионскому Шаламов пишет: «...рассказов не шесть, а сто шестьдесят шесть» – это преувеличение, но не чрезмерное: на самом деле рассказов и очерков к тому времени порядка ста двадцати. Завершает цикл «Воскрешение лиственницы» (посвященный Сиротинской), для которого написаны, в частности, «Тропа», «Графит», «Безымянная кошка», «Город на горе», «У стремени», «Хан Гирей», «Шахматы доктора Кузьменко» (не исключено, что это окончательная редакция текста 1954 года).

1968

Суд над составителями сборника материалов по процессу Синявского и Даниэля и альманаха «Феникс-66» («процесс четырех»). Через общего знакомого и помощника и, по мнению Шаламова (согласно свидетельству Жоржа Нива), осведомителя госбезопасности библиографа Александра Храбровицкого передает Солженицыну запрет пользоваться для своих работ (имеется в виду «Архипелаг ГУЛАГ») какими бы то ни было его материалами. Весной благодаря упорству Моисея Авербаха Шаламов получает отдельную комнату в коммуналке в том же доме на втором этаже и переезжает. Все чаще заводит с Сиротинской, с которой встречается также на ее даче в Расторгуево (Видное) под Москвой, разговор о супружестве, но та уклоняется от ответа. В Кейптауне, Южная Африка, в издательстве Tafelberg-Uitgewers выходит в переводе с немецкого на африкаанс сборник колымской прозы Шаламова (фамилия искажена – Шаланов) «Статья 58» из 27 текстов. Польский издатель и общественный деятель эмигрант Ежи Гедройц намеревается выпустить сборник «Колымских рассказов» в переводе на польский, однако Роман Гуль его отговаривает. Знакомство с математиком и философом Юлием Шрейдером. Издание завершающего, пятого тома «Колымских рассказов» с циклом «Воскрешение лиственницы», осуществленное Леонидом Пинским (прямое свидетельство Храбровицкого также датирует пятитомник 1968-м годом); этот приговоренный к

пожизненному «спецхрану» пятитомник Сиротинская будет слепо копировать для перестроечных и российских изданий, не стыдясь значиться его составителем. Суммируя: к середине этого года Шаламовым подготовлено семитомное собрание сочинений, включающее пять сборников колымской прозы и двухтомник «Колымских тетрадей» из шести циклов, остается только издать эти семь книг типографским способом и дать им широкую читательскую аудиторию, между тем, за пределами столичных литературных и диссидентских кругов имя Шаламова практически неизвестно. Период 1954-68 гг. можно абсолютно обоснованно назвать вторым и основным творческим периодом Шаламова. Через окружение Пинского и сотрудников французского посольства передает в парижское левое издательство Леттр Нувель фотокопии многотомника «Колымских рассказов» для издания на французском. В июне через Ирину Каневскую и ее мужа Кирилла Хенкина, работающих в Праге периода открытых границ Чехословакии с Западом, передает в русское эмигрантское издательство ИМКА-Пресс, руководимое восторженным почитателем Солженицына Никитой Струве, машинописное Пятикнижие своей колымской прозы для издания собранием сочинений. Оба списка благополучно достигают Парижа. Несколько рассказов Шаламова – наряду с текстами Брехта и Беккета – появляются на французском в осеннем выпуске журнала Мориса Надо *Les Lettres nouvelles*. Список, переправленный Хенкиными, бесследно исчезает после полученного окольными путями невнятного объяснения, что такую тяжелую книгу читатель не осилит, но прежде, в осеннем выпуске журнала Струве «Вестник РСХД» (№89/90), печатаются рассказы Шаламова «Две встречи» и «Чужой хлеб», согласно их датировке (1967), если она верна, отсутствующие в «списке-66». Вполне вероятно, что эта публикация – одновременно и сигнал о получении багажа («списка-68»), и аванс с целью заставить Шаламова пойти на уступки в переговорах с издательством. Условием издания какой-то части КР Струве и ИМКА-Пресс могут ставить публичную солидаризацию Шаламова с Солженицыным. Характерно, что в рубрике Литература, где помещены только три текста, шаламовским рассказам предшествует рассказ Солженицына «Правая кисть» (название которого вынесено на обложку номера) – Струве устанавливает и органическое единство гулаговских авторов, и их, так сказать, иерархию. Косвенным свидетельством опосредованных контактов Шаламова с ИМКА-Пресс служит проговорка Сиротинской о том, что «Западом» Ша-

ламову выдвигалось требование «не говорить всей правды о людской природе», ограничиться лишь тем, что «пригодно для политических манипуляций». Это унижительное и заведомо невыполнимое требование могло исходить только от лиц, располагавших типографским станком – вопрос об условиях публикации «Колымских рассказов» в СССР никогда не ставился. Издание на французском затягивается по причине того, что троцкист Морис Надо, опасаящийся провокации советских спецслужб, требует собственноручного подтверждения Шаламовым желания быть опубликованным в его издательстве. Спустя несколько месяцев он его получает. Выход на Западе романа Солженицына «В круге первом» (Фишер, Франкфурт-на-Майне; Harper and Row, Нью-Йорк, Flegon Press, Лондон, по-русски) и повести «Раковый корпус» (ИМКА-Пресс, Париж; The Bodley Head, Лондон; Посев, Франкфурт-на-Майне) приносит автору широкую международную известность. Через Александра Андреева, сына знакомых Шаламова швейцарцев Вадима и Ольги и брата Ольги Карлайль, Наталья Столярова передает на Запад микропленку с «Архипелагом ГУЛАГ». Сиротинская проводит отпуск в Крыму, Шаламов пишет ей ежедневно (часть этих замечательных писем уничтожена адресатом). Подборки из шести и восьми стихотворений в журнале «Знамя» и семи – в «Юности». Подборка из десяти стихотворений и статья в сборнике «День поэзии-1968». Начало подготовки Шаламовым нового поэтического сборника в издательстве «Советский писатель», который будет добираться до читателя более четырех с половиной лет. В эмигрантских журналах «Посев», «Грани», «Вестник РСХД», «Новый журнал», «Возрождение», «Часовой» и газете «Русская мысль» в течение года появляется порядка пятидесяти материалов авторства Солженицына или рекламирующих его как выдающегося писателя и стойкого борца с советским режимом. Бегство из СССР Аркадия Белинкова. В результате прихотливой многолетней литературно-критической интриги, направленной против Твардовского и «Нового мира», журнальные подборки стихов Шаламова признаны рецензентом «Литературной газеты» Станиславом Лесневским лучшими поэтическими публикациями полугодия; Шаламов, знающий подоплеку, похвалы не переоценивает. Резко не одобряет работу Надежды Мандельштам над «Второй книгой» воспоминаний. В августе советские войска оккупируют Чехословакию, Хенкиных высылают в СССР. Газета «Московский комсомолец» возвращает Шаламову подборку стихов. Шаламов упорен в неже-

лании вступить в ССП – по свидетельству Грейнема Ратгауза, «в конце шестидесятых годов»: «Там до сих пор и те самые люди, которые меня посадили». После предпринятых в начале года неудачных попыток связаться с кельнским издательством на предмет получения гонорара за книгу «Статья 58», Шаламов просит о помощи в этом деле Авербаха, но и попытки последнего оказываются безуспешными***. Следует отметить сугубую «неконвенциональность» поступка Шаламова, ибо советская либеральная творческая интеллигенция руководствовалась, по словам биографа Солженицына Людмилы Сараскиной, «заповедью»: «если свои не платят, умри, как патриот, а у чужих не бери». Служебная командировка Сиروتинской на родину Шаламова подталкивает его к работе над автобиографической «Четвертой Вологдой». Созревшее до окончательной ясности понимание того, что эмигранты и патронирующее их ЦРУ не собираются издавать его в противовес во всех отношениях «своему» Солженицыну, приносит Шаламову жестокое разочарование в московской либеральной интеллигенции, которую он оправданно отождествляет с христианско-демократическими кругами русской диаспоры. Разрыв Шаламова с Рожанскими-Кинд, в конце года – разрыв с Надеждой Мандельштам и ее окружением, без сомнения, ускоренный продолжающимися домогательствами ЦГАЛИ относительно передачи им архива Осипа Мандельштама, на что вдова и душеприказчица категорически не согласна. На рубеже 1968/69 гг. разрыв с Натальей Столяровой, полностью предоставившей себя в распоряжение Солженицына и окончательно потерянной для Шаламова. Год, суливший успех, признание, а, может быть, и не чаемое личное счастье, оборачивается годом разочарований и сокрушительных поражений. «Проклятый год».

КРАХ

1969

Весной в парижском издательстве Мориса Надо Denoel вместо полноценной книги выходит двухсотпятидесятистраничный сборник из 27 текстов, никакого резонанса не вызвавший. Разрыв Шаламова с Пинским и его окружением. «Знакомство с Н. Я. [Мандельштам] и Пинским было только рабством...» (дневниковая запись 1972 года). Отныне Шаламов не дает в самиздат ни строчки. Распоряжение от 4 апреля на случай внезапной смерти, аннулирующее его прежнее завещание – содержание которого неизвестно – в пользу Сиротинской. Это распоряжение, а затем официальное завещание – показатель гнетущей уверенности Шаламова, что ни русское зарубежье, ни московская либеральная среда его труд для будущего читателя не сохранят. Шаламов также уверен, что за ним ведется непрерывная слежка, а комната прослушивается госбезопасностью. Начало затворничества. В наброске рецензии на опубликованные в газете «Правда» главы очередного опуса Шолохова с сарказмом отзывается и об авторе, и об его официозной «скороговорке» на тему сталинских лагерей. Подборка из десяти стихотворений в журнале «Юность». Работа над «Четвертой Вологдой». Французское издательство Gallimard без ведома автора выпускает перевод кельнской книжки 1967 года «Статья 58. Записки заключенного Шаланова». Солженицын номинирован на Нобелевскую премию по литературе; удостоен почетного членства Американской академии искусств и литературы и Национального института искусства и литературы. В разговоре с Александром Гладковым Шаламов рассказывает о сборнике стихов с комментариями, подготовленном им для издательства Гослитиздат («Художественная литература»). Какова судьба этого сборника, неизвестно. В качестве примера «идиотизма издательской жизни» Гослитиздат упоминается Шаламовым и в письме к Борису Полевому от декабря 1973 года, известна также дарственная надпись Шаламова директору издатель-

ства Сомову на книжке стихов «Московские облака». Шаламов и Сиротинская нотариально заверяют наследование ею всего имущества Шаламова включая авторское право; подлинность этого завещания, впрочем, ставится под сомнение. В конце семидесятых – начале восьмидесятых годов Сиротинская передаст его в «компетентные органы», где оно будет уничтожено, а накануне краха коммунистического режима, в период массового рассекречивания материалов «спецхрана», обзаведется в той же нотариальной конторе его дубликатом, который один из биографов писателя, Людмила Анискович, считает фальшивкой. По словам соседки Шаламова Светланы Федюшкиной, навещает его Сиротинская раз в две-три недели. В ноябре Солженицына исключают из ССП, Корней Чуковский отписывает ему в завещании пять тысяч рублей, гигантская сумма по тем временам.

1970

Знакомый Гродзенского профессор Лев Карлик делает Шаламову справку на случай наступающих на улице приступов. Продолжение начатой в шестидесятых работы над антироманом (циклом очерков) «Вишера» и циклом рассказов «Перчатка или КР-2» – оба сборника, а также автобиографические записки о Колыме и частично «Четвертую Вологду» было бы оправданно назвать *поздней прозой* Шаламова. Следует отметить, что в черновики содержания «Вишеры» и «Перчатки» будут включены и рассказы из уже готовых томов пятикнижия – контуры корпуса КР начинают расплываться, все шире захватывая область «свидетельства», т.е. лагерной документалистики, и теряться в этой неопределенности и эстетически, и структурно. Подборка из восьми стихотворений в журнале «Знамя». Снятие Твардовского, разгон редакции «Нового мира», в сейфе которого «Колымские рассказы» безрезультатно пролежали все шестидесятые годы. Рецензия в парижской газете «Монд» Петра Равича на два французских сборника «Колымских рассказов», ее прочтет итальянский переводчик Пьеро Синатти – здесь исток изданий «Колымских рассказов» на итальянском. Первая американская рецензия авторства Клода Лемье на издание сборника в издательстве Мориса Надо. Первые переводы КР на английский и публикации Майкла Скэммела в антологии «Другие писатели России». На могиле Сталина у Кремлевской стены установлен памятник. В

Нью-Йорке на русском выходит книга «Воспоминаний» Надежды Мандельштам, тотчас делающая ее знаменитостью. Подборка из пяти стихотворений в сборнике «День поэзии-70». Политические пристрастия Шаламова остаются неизменными: троцкизм двадцатых годов сменили симпатии к Маркузе и «новым левым» и преклонение перед революционной партизанщиной Че Гевары. Одна из дневниковых записей даже отдает нечаевщиной: «Не только левее левых, но и подлиннее подлинных. Чтоб кровь была настоящей, безымянной». При этом он отчетливо сознает, что какой-то минимум свободы дают лишь «демократические институты Запада» – весь спектр левых движений, по Шаламову, несет «шигалевщину» и принуждение. Подборка из девяти стихотворений в журнале «Юность». Франкфуртский журнал НТС «Грани» печатает две больших подборки «Колымских рассказов» и стенограмму его выступления на вечере памяти Мандельштама; по свидетельству соседа Шаламова Александра Запольского, Неклюдовы и Шаламов знали об этих публикациях. Возле дома Шаламова начинается прокладка линии метро, что в ближайшем будущем грозит неизбежным переселением. Издательство НТС «Посев» выпускает шеститомное собрание сочинений Солженицына, впрочем, дутое: два тома составляет роман «В круге первом», еще один собран из материалов, освещающих отношения автора с ССП, критики и т.д. Англо-норвежская экранизация «Одного дня Ивана Денисовича». Присуждение Солженицыну Нобелевской премии по литературе. Доход Шаламова за 1970 год составляет, по его подсчетам, 2400 рублей – вполне приличная сумма, сопоставимая с заработком хорошо оплачиваемого рабочего или служащего. Тяжелая депрессия: «Я... болен тяжело душевно». Запись в дневнике: «Мне людям нечего сказать – я знаю так мало и опыт мой не нужен людям».

1971

Неудачная попытка наладить отношения с дочерью, оставившая след в дневнике. Смерть Якова Гродзенского. Журнал «Дружба народов» отклоняет предложенную Шаламовым подборку стихов. Кампания против «инакомыслящих» в СССР. Выход за границей романа Солженицына «Август Четырнадцатого», который Шаламов оценивает как продукцию беспрецедентно низкого качества, добавляя: «Все, что пишет С., по своей ли-

тературной природе совершенно реакционно». Начинает пользоваться уничижительным в его устах словосочетанием «прогрессивное человечество», преимущественно по отношению к фрондирующей либеральной интеллигенции включая Твардовского и почитателей Солженицына. Надежда Мандельштам поручает Никите Струве вести ее дела, связанные с издательствами, два года спустя она переправит ему на хранение свой архив. Главлит (цензура) в информационной справке в ЦК КПСС выделяет Шаламова как одного из лидеров антисоветского «литературного подполья». Изъятие госбезопасностью у Бориса Лесняка списка «Колымских рассказов». Завершение книги «Четвертая Вологда». На рубеже шестидесятых-семидесятых, но, скорее всего, раньше и дольше – работа над недавно опубликованной абсурдистской пьесой «Вечерние беседы», персонажами которой Шаламов делает русских Нобелевских лауреатов – Бунина, Пастернака, Шолохова, Солженицына; все они, включая автора – заключенные, в ходе бесед с которыми Шаламов не чинясь говорит о них то, что думает, и суждения его по большей части грубы, непререкаемы и безжалостны, а пьеса беспомощна. Задумывалась она для культового Театра на Таганке Юрия Любимова, скептическое отношение к которому отступило перед энтузиазмом подруги. Облеченный в форму письма к Сиротинской литературный манифест Шаламова [О новой прозе] (расширенный вариант текста 1968 года, опубликованного впоследствии Шрейдером, и того, что, по моему убеждению, является предисловием Шаламова к подготовленному им для издания сборнику «Колымских рассказов» 1965-го). Согласно Кларенсу Брауну, в распоряжении переводчика Майкла Скэммела в Лондоне имеются все колымские рассказы (возможно, «список-68»), которые он в ближайшем будущем собирается издать в переводе. Издания, однако, не последует. За два года Шаламовым написаны среди прочего «Вечная мерзлота», «Галина Павловна Зыбалова», «Леша Чеканов или Однодельцы на Колыме», «Александр Гогоберидзе». Полная самоизоляция, гостей Шаламов не принимает. НТС-овский альманах «Грани» печатает полемический отклик на очерк из «Колымских рассказов» – дебатруется вопрос, когда именно возникли советские концлагеря. Подборки из пяти стихотворений в журнале «Юность» и в иркутском альманахе «Сибирь». Излюбленное место досуга (или работы) в семидесятых – Ленинская библиотека и книжные магазины. «За город», как обычно, ездит купаться и загорать в Серебряный бор на Москве-реке. Пророческий

сон, как его сбивает машина. Жена товарища Шаламова по Колыме киевлянина Аркадия Добровольского отправляет мужа в дом престарелых, Шаламов странным образом одобряет это решение. Инспирированное КГБ предложение редактора поэтических сборников Шаламова Виктора Фогельсона «опровергнуть слух» о его сотрудничестве с западными издательствами.

1972

Требование Бориса Полевого, редактора «Юности», осудить публикации на Западе, в противном случае Шаламова перестанут печатать в СССР. Фогельсон информирует, что имя Шаламова в «черном списке»; в атмосфере травли «инакомыслящих» причину найти несложно: Шаламов – член Литфонда, но не Союза писателей. Скандальное открытое письмо Шаламова в «Литературную газету» (на самом деле было адресовано приемной комиссии ССП и выправленным передано в газету первым секретарем правления этой организации Георгием Марковым, Шаламов, не отдавая отчета в последствиях, подписывает верстку письма), направленное против прагматического использования эмиграцией его имени и творений в целях «холодной войны» и воспринятое советской либеральной общественностью и диссидентами как верноподданническое. В день написания заявления – что подтверждает версию об его истинном адресате, изложенную со слов автора в дневнике Александра Гладкова – Шаламов обращается к Арсению Тарковскому и Сергею Наровчатову с просьбой дать рекомендации в ССП. Провокация Маркова достигает цели – Шаламов подвергнут повсеместному остракизму со стороны либеральной интеллигенции и диссидентов вплоть до таких демонстративных акций как уничтожение фотографий и книг с дарственными надписями. Попытки со стороны Столяровой, Федота Сучкова и Евгения Пастернака выразить «понимание» пресекаются оскорбленным Шаламовым на корню. Подытоживая, можно сказать, что для автора «Колымских рассказов» Наталья Столярова на протяжении этих лет не сделала ничего существенного. Отказ Шаламову от дома Авербаха, в прошлом его деятельного помощника и мужа его машинистки Елены Колобашкиной-Кавельмахер. Михаил Геллер, будущий составитель двух первых сборников прозы Шаламова на русском, в своем обзоре прессы в польском эмигрантском журнале «Культура» назы-

вает письмо «предательством». Журнал «Посев» печатает в мартовском номере ответный блок пропагандистских материалов включая открытое письмо Шаламову некоего С. Горянова, использующего такую лексику как «подлая роль», «роль стукача», «ссучился», «сделка с совестью» и противопоставляющего Шаламову академика Сахарова и Твардовского. Редактор «Русской мысли» Зинаида Шаховская и анонимный автор в ее газете пользуются теми же словами: «стукач», «ссучился». Гуль, напротив, лукаво встает на защиту Шаламова, утверждая, что язык и стиль письма выдают КГБ. Невозможность сказать всю правду и объясниться начистоту делает Шаламова жертвой тяжелой душевной травмы. Яростный запрет в дневнике Шаламова Солженицыну и его единомышленникам «знакомиться с моим архивом», иначе говоря, с материалами, которые могут быть использованы возглавившим либеральную оппозицию режиму компилятором «Архипелага ГУЛАГ», по мнению Шаламова, наемным провокатором американской разведки. Обыск в квартире Пинского. Арест диссидентов Петра Якира и Виктора Красина. Написание для сборника «Перчатка или КР-2» одноименной медитации (с посвящением Сиротинской и согласно ее сомнительной датировке), а также рассказов «Тачка I», «Тачка II», «Рива-Роччи». Переезд – похоже, исключительно собственными силами – в коммунальную квартиру на Васильевской улице. Издание («Я уже потерял надежду, но с помощью Бориса Николаевича Полевого мне удалось буквально выколотить эту книжку из издательства») «израненной» поэтической книжки «Московские облака». Советские поэтические сборники и журнальные подборки стихов Шаламова – это та выверенная системой идеологического контроля лагерная пайка, которая удерживает крепостного художника между жизнью и смертью. В Париже в издательстве ИМКА-Пресс выходит на русском «Вторая книга» воспоминаний Надежды Мандельштам. Прогрессирующее отчуждение Сиротинской от Шаламова.

1973

Вступление в ССП – даже после «письма в ЛГ» год волынили; рекомендации получены от Арсения Тарковского и поэта Виктора Бокова, возможно также, от поэта Александра Межирова. Оставлен (нельзя сказать: завершен, – скорее, сошел на нет, исчерпав себя в очеркистике)

структурно излишний последний из шести циклов «Колымских рассказов», о которых Шаламов с горечью говорит Сиротинской: «Да что рассказы. Никому они не нужны». Если верить последней, шаламовский «план» корпуса включал 147 текстов, из которых два остались в набросках. Дышащее неутолимой ненавистью к «прогрессивному человечеству», которое олицетворяют для него люди, подобные Солженицыну и Твардовскому, стихотворение «Славянская клятва». Начало, по выражению Сиротинской, «распада личности», да и «физического распада» Шаламова, которое она связывает с «Письмом в ЛГ». Надежда Мандельштам переправляет архив Мандельштама Никите Струве в Париж. В издательстве Кембриджского университета выходит монография Кларенса Брауна «Мандельштам». Издательство D.A.P. Reinaert uitgaven в Брюсселе выпускает первый сборник «Колымских рассказов» на голландском в переводе с немецкой книги 1967 года и с той же искаженной фамилией автора. Суд над Якиром и Красиным с публичным «покаянием» подсудимых. Работа Шаламова над воспоминаниями [О Колыме], включающими непревзойденную новеллу «Черная мама», возможно, над «Заметками о Достоевском» с рассказом «Омск» и серией небольших подцензурных очерков для журнала «Юность». Незавершенность судьбы, неиздание основного труда не дает Шаламову оторваться от колымской и вишерской тематики, хотя в распоряжении его гигантский – двадцатилетний – опыт послелагерной жизни, достойный материал для еще одной трагической эпопеи. Подработка поэтическими переводами с подстрочника, как все последние годы. В письме Леониду Черткову упоминает о сданных в журнал «Наш современник» четырнадцати рассказах, на публикацию которых, впрочем, надежды мало. Подборка из пяти стихотворений в журнале «Юность». Тремор рук лишает Шаламова возможности печатать на машинке. Изъятие госбезопасностью у машинистки Солженицына Воронянской «Архипелага ГУЛАГ», немедленное издание его в Париже Никитой Струве на русском и волна мировой славы. Имя Шаламова сходит с повестки дня и начинает погружаться в забвение.

1974

Почти полное одиночество Шаламова, которое изредка скрашивают Сиротинская и Юлий Шрейдер. Депортация Солженицына, его турне по

Европе и основание им Фонда помощи политзаключенным, среди распорядителей которого будут Наталья Столярова и Наталья Кинд. Нью-йоркская эмигрантская газета «Новое русское слово» публикует два рассказа из цикла «Воскрешение лиственницы». Михаил Геллер посвящает Шаламову главу «Полюс лютости: Варлам Шаламов» в своей книге «Концентрационный мир и советская литература», изд. ОРІ, Лондон – первая критическая работа о «Колымских рассказах». Педантичное использование Шаламовым ежегодных путевок в писательский Дом творчества в Крыму, покоряющий его неизведанным комфортом и персональным туалетом при номере. Поездка в Коктебель. «Новый мир» (тогда или годом позже) отклоняет предложение Шаламова опубликовать его обширную переписку с Пастернаком и очерк Шаламова о поэте. Работа над стихами, подборка из пяти стихотворений в журнале «Юность». Интересно отметить, что, судя по дневникам и письмам, Шаламов на протяжении всех послелатерных лет почти полностью игнорирует популярную, а иной раз и «культовую» литературу советских прозаиков своего и младшего поколений – Василия Аксенова, Валентина Катаева, Андрея Битова, Юрия Трифонова, Василия Шукшина, Юрия Казакова, Чингиза Айтматова, братьев Стругацких, Даниила Гранина, «писателей-деревенщиков» и других, т.е. практически всю советскую прозу. Неотправленное письмо Солженицыну в ответ на реплику в «Архипелаге ГУЛАГ» «умер Шаламов»: «...считаю себя первой жертвой холодной войны, павшей от Вашей руки... вы никогда ничего не получите».

АГОНИЯ

1975

Обострение неврологического заболевания и общее ухудшение состояния здоровья. Занятие теорией русского стиха, тяжкое разочарование в поэзии как в путеводной звезде: «стихи – это дар Дьявола... в стихах нет правды, нет жизненной необходимости!». Подборка из пяти стихотворений в сборнике «День поэзии-1975». Работа над небольшими историческими очерками, которые по обыкновению не печатаются. В Германии под названием «Колыма. Остров в Архипелаге» (Langen-Müller, München, Wien, фамилия автора на сей раз правильная) переиздаются «записки заключенного Шаламова» 1967 года с цитатой из «Архипелага ГУЛАГ» Солженицына на обложке. Глава туринского издательства Эйнауди отвергает предложение переводчика Пьеро Синатти выпустить сборник «Колымских рассказов» на итальянском. Куцая статья о Шаламове – как о поэте – в официальном советском литературном справочнике авторства Леонида Черткова. На улице обращает на себя внимание своим видом – высокий, худой, одет неряшливо, не по росту, за спиной рюкзак с продуктами и рукописям для редакции, походка пьяного. Осведомленность англичан о Шаламове весьма низкая – в Оксфордском университете, по свидетельству преподававшего на тамошней кафедре славистики Игоря Голомштока, этого имени никто не слышал. Поездка в ялтинский Дом творчества. Должность Сиротинской в ЦГАЛИ – старший инспектор. Солженицын – «Человек года» по версии французского журнала «Пуэн».

1976

Разрыв изживших себя отношений с Борисом Лесняком. Символический уход Сиротинской, оформивший давно сложившуюся реальность. Госпитализация с приступом стенокардии. Солженицын покидает Европу

и обосновывается в собственной усадьбе в Вермонте. Последний год публикаций нью-йоркским «Новым журналом» разрозненных «Колымских рассказов», общим числом сорок девять, нередко изуродованных редакторской правкой Гуля. В год смерти Шаламова Гуль обнаруживает факт передачи «списка-бб», следы которого к настоящему времени затерялись. Столярова во время пребывания за границей живет некоторое время в Вермонте у Солженицына. В Италии, о чем Шаламов, скорее всего, не знает, в небольшом ультралевом издательстве Savelli, Roma, выходит сборник колымской прозы на итальянском, включающий тридцать текстов. Авторитетный писатель-узник Аушвица Примо Леви пишет на него разгромную рецензию, противопоставляя Шаламову Солженицына; интересно, что в своей последней книге, «Канувшие и спасенные», Леви во многом вторит как раз Шаламову. В «Лексиконе русской литературы» Вольфганга Казака (ФРГ) «Колымские рассказы» именуется «небольшими очерками из лагерной жизни». Подборка из семи стихотворений в журнале «Юность» и пяти – в сборнике «Юность: Избранное. XX. 1955 – 1975». Статья Шаламова «Звуковой повтор – поиск смысла (Заметки о стиховой гармонии)» в московском сборнике «Семиотика и информатика», редактируемом Юлием Шрейдером. Вторая критическая статья (часть главы) на русском о «Колымских рассказах» в книге Юрия Мальцева «Вольная русская литература», изд. Посев. Очередная поездка в Ялту. Отзыв о «Нетерпении» Юрия Трифонова: «...балаган. Уголовный роман, ...где упущено все серьезное».

1977

По случаю семидесятилетия Шаламов представлен к ордену «Знак почета», однако представление не утверждено. В качестве компенсации, не накладывающей на государство идеологической ответственности и не вводящей его в расходы, имя Шаламова присваивается открытому астероиду. Английские слависты Роберт Чандлер и Майкл Скэмел задумывают издание избранного Шаламова на английском, но идея остается нереализованной по причине незаинтересованности издательств, в которые они обращались. Выход поэтического сборника «Точка кипения», участие в составлении которого Шаламова минимальна. Полная деградация быта. С ноября глухого и полуслеплого Шаламова начинает опекать приведенная

Шрейдером клубная работница Людмила Зайвая, которая прибирает в комнате и кормит его комплексными обедами из соседнего ресторана. Поездка в Ялту.

1978

Неудачная – по вине Шаламова – попытка Зайвой издать сборник его избранных стихов. В Лондоне в польском издательстве Анджея Стипульковского ОРІ впервые на русском языке выходит девятисотстраничный том «Колымских рассказов», составленный Михаилом Геллером либо на основе американского шаламовского «списка-66», либо каких-то других попавших за рубеж рукописей и включающий свыше сотни рассказов – три полных первых цикла КР в авторской последовательности текстов со сделанными Геллером дополнениями. В предисловии Геллер называет разрозненные публикации «Колымских рассказов» в эмигрантских журналах «самым страшным ударом судьбы», нанесенном писателю. Диссидентская «Хроника текущих событий» игнорирует лондонский том. Столярова, не решаясь сделать это сама, передает Шаламову книгу через Юлия Шрейдера. В среде русской эмиграции на Западе вяло бытуют самые фантастические представления о времени и процессе создания «Колымских рассказов» – в книге Альтшуллера и Дрыжаковой, написанной уже в середине восьмидесятых, КР датируются 1964-67 гг. и утверждает, что Шаламов перерабатывал их для лондонского издания. До появления этой первой книги КР на русском успело выйти восемь сборников колымской прозы Шаламова в переводах на немецкий, французский, африкаанс, голландский и итальянский. Переиздание в Италии сборника «Колымских рассказов». В Париже выходит роман Юрия Домбровского «Факкультет ненужных вещей»; смерть автора, похожая на убийство. Четырехмесячная госпитализация Шаламова (сведения о госпитализациях разнятся и требуют уточнения), новый диагноз: «хорея Гентингтона», – спасающий от сумасшедшего дома, где его желала бы видеть госбезопасность, оказывающая давление на лечащего врача Михаила Левина. На звонок Людмилы Зайвой Галина Гудзь, первая жена Шаламова, отвечает: «Да пусть он сдохнет». Шаламов предлагает Зайвой фиктивный, «народовольческий» брак – из боязни быть отправленным в богадельню и в качестве возмещения трудов по его обслуживанию – неким имеющим цен-

ность наследием, что, как потом окажется, не лишено смысла. «Несанкционированный – по выражению Сиротинской – обыск» (но почему, собственно, «несанкционированный», обычный обыск, учиненный тайной полицией) в комнате Шаламова в его отсутствие, пропажа части бумаг. Короткий прерванный отдых в Ялте. Несколько стихотворений Шаламова печатаются в переводе на польский в литературном журнале «Камена». Солженицын получает почетную степень доктора в Гарвардском университете, выступает с известной лекцией, издательство ИМКА-Пресс начинает выпускать 18-томное собрание его сочинений.

1979

В журнале «Континент», №19, появляется первая журнальная рецензия на русском на «Колымские рассказы» пера Виолетты Иверни, в которой их разрозненные публикации в эмигрантской периодике названы «кастрацией, обворовыванием писателя». Очередная полуторамесячная госпитализация Шаламова. Душевное состояние скачет от гордого, нетерпимого до робкого, заискивающего. Уход Людмилы Зайвой после учиненного им на пустом месте скандала. Определяя свое мироощущение на старости лет, записывает в дневнике, что остался непреклонным безбожником. Полное одиночество и катастрофическая невозможность себя обслуживать. Отчаявшийся Шаламов соглашается на переезд в дом престарелых. Сиротинская забирает в ЦГАЛИ остатки его архива, который помещают в «спецхран», иначе говоря, препоручают госбезопасности в лице директора Натальи Волковой и ее сотрудницы Сиротинской – вскоре ее повысят в должности до начальника отдела. До начала девяностых годов архив будет лежать в ЦГАЛИ не разобранным и даже начерно не описанным. Рецензия Геннадия Андреева на лондонский сборник в газете «Русская мысль». Согласно анонсу нью-йоркского журнала «Часть речи» к публикации рассказа «Тропа», а также примечанию в более поздней публикации рассказов Шаламова в журнале «Вестник РСХД», приблизительно в эти годы в самиздате циркулирует сборник «Воскрешение лиственницы». В мае крайне неухоженного Шаламова отвозят в дом престарелых в Тушино и после двухнедельного карантина поселяют в комнате на двоих площадью шесть квадратных метров. Что он берет с собой на новое место жительства, неизвестно – квитанция о приеме багажа не опубликована. Корреспонден-

ция, приходящая на старый адрес Шаламова, никому не нужная, пропадет. Изредка его навещает знакомый по Колыме Иван Исаев, по впечатлению которого Шаламов ведет «растительную, животную жизнь». Он наполовину слеп, глух, не в состоянии выразиться членораздельно, движения некоординированы, живет буквально на ощупь, возможно, переживает инсульт. Возвращается колымская дистрофия.

1980

Весной Шаламова не без труда находит освободившийся из тюрьмы Сергей Григорьянц и приводит к нему литературоведа Александра Морозова, который начинает за ним присматривать. Морозов отмечает «полосы безумия» наподобие тех, что посещали короля Лира, потом это проходит. Соседа переводят от Шаламова в другую палату. Появление Татьяны Николаевой, Татьяны Леоновой и Ольги Гуревич, которые в течение нескольких месяцев ухаживают за Шаламовым. Арест госбезопасностью всего архива Демидова. Осенью Морозов записывает стихи Шаламова с голоса, безуспешно предлагает их в советские журналы, наконец, отправляет в парижский «Вестник РХД», редактируемый Никитой Струве. Сергей Григорьянц предупреждает Морозова, что привлекать к Шаламову повышенное внимание опасно. Двухстраничная подборка стихотворений в двухтомной антологии журнала «Юность». Анатолий Марченко в открытом письме физику академику Петру Капице отзывается о «Письме в ЛГ» 1972 года как о «предательстве» Шаламовым «дела жизни... и тысяч мучеников». В журнале «Синтаксис» появляется вторая прижизненная журнальная статья, посвященная прозе Шаламова – «Срез материала» Андрея Синявского. В советской подцензурной периодике при жизни Шаламова публикуется общим счетом полтора десятка рецензий на его поэтические сборники (основные из них – Бориса Слуцкого, Владимира Приходько, Евгения Камлановского, Олега Михайлова, Станислава Лесневского, Геннадия Красухина и Инны Ростовцевой), шаламовской прозы для критиков, естественно, не существовало. Рецензия – единственная и откровенно неблагоприятная – на сборник стихов Шаламова «Точка кипения», 1977, поэта-эмигранта Валерия Перелешина в американском журнале «Russian Language Journal». В парижском издательстве La Découverte выходит на французском сборник «Причал ада». Банкротство политики «детанта»,

«разрядки международной напряженности». На Западе после пяти лет безуспешных скитаний по русским эмигрантским издательствам в швейцарском издательстве «L'Age d'homme» серба Владимира Димитриевича выходит роман Василия Гроссмана «Жизнь и судьба», претерпевший на пути к читателю те же муки, что и «Колымские рассказы» Шаламова. В доме престарелых новый директор, отношение к Шаламову ухудшается. Умирает Надежда Мандельштам. Шаламов несколько раз зовет через опекунов Юлия Шрейдера, с которым они не виделись с весны прошлого года, но тот так и не приходит. В ультралевом парижском издательстве Maspero выходит на французском первый том «Колымских рассказов» с предисловием Синявского, за ним последуют еще два, в Нью-Йорке их впервые издают небольшой книгой на английском в переводе Джона Глэда, причем для Глэда это произведения «давно умершего писателя» (добавлю в скобках, что в конце 1982 года режиссеры Глеб Панфилов и Андрей Тарковский говорят о Шаламове как о поныне живущем). Рецензия Энтони Бёрджесса в журнале «Нью-Рипаблик» на нью-йоркский сборник «Kolyma tales». Ни один зарубежный издатель на протяжении пятнадцати лет не выплатил Шаламову гонорар. Франсуа Масперо, по словам журналиста Николая Милетича, готов был заплатить, но не успел.

1981

В марте французский ПЕН-Клуб под председательством Эжена Ионеско присуждает Шаламову за прошлогоднюю книгу «Колыма» (Paris, Maspero) маргинальную литературную Премию Свободы, учрежденную сыном функционера НТС Аркадия Столыпина Дмитрием; о событии информируют газета «Монд» и русские службы западного радиовещания. Журнал «Посев» выносит новость с фотографией Шаламова на обложку майского номера. Денежный приз в размере 4000 франков Шаламов не получил. Начало посещений Шаламова Сиротинской. В паспортном столе Шаламова выписывают из дома престарелых – начальный этап тайно готовящегося перевода пациента в интернат для психохроников. Появляются Елена Захарова, Владимир Рябоконь, Татьяна Уманская и Людмила Анис, которые вместе с Морозовым берут Шаламова под опеку. По словам Сиротинской, госбезопасность открыто следит за его посетителями. Медицинская комиссия после видимости обследования дважды диагно-

стирует у Шаламова старческое слабоумие. Поэт Анатолий Сенин упоминает некую свою знакомую, молодую женщину-математика, тоже ухаживавшую за Шаламовым, которая готова на фиктивное замужество, чтобы вывезти его на лечение за границу. Умирает Леонид Пинский. В Америке в переводе Глэда выходит сборник «Графит» с искаженной фамилией автора на обложке – «Шаламав». Рецензия на него Кларенса Брауна в газете «Вашингтон пост». В 1980-83 гг. два сборника «Колымских рассказов» в переводе Глэда собирают в англо-американской периодике порядка статей, рецензий, обзоров. Издание сборника «Ночь. Колыма II», Paris: Maspero. Суммируя, в период 1967-1981 гг., то есть при жизни Шаламова, на Западе увидело свет включая переиздания четырнадцать сборников его прозы на семи языках. Публикация восьми колымских рассказов в неподцензурном журнале польской Солидарности «Puls», Лодзь. Сиротинская записывает за Шаламовым собственный вариант его последнего цикла стихов, публикуя их впоследствии без ссылки на морозовское первое издание 1981 (15 стихотворений в журнале «Вестник РХД») и переиздание (журнал «Литературное обозрение») 1989 гг. По настойчивой просьбе Захаровой полуобъявленный перевод в психушку откладывается. Последняя подборка стихов в журнале «Юность». Иван Исаев ведет безуспешные переговоры с издательством «Советская Россия» о поэтическом сборнике Шаламова к его 75-летию. По свидетельствам Владимира Пимонова и Владимира Рябокони, в восьмидесятых годах в самиздате циркулируют все шесть авторских циклов (сборников) «Колымских тетрадей». Владимир Рябоконь начинает поиск до сих пор не опубликованной прозы Шаламова, которая позже составит сборник «Воскрешение лиственницы», ИМКА-Пресс, Париж, 1985. На независимой конференции в Краковском университете, посвященной неподцензурной русской литературе, польский славист Анна Разьны выступает с первым научным докладом о творчестве Шаламова. Шаламов благополучно переносит воспаление легких. Волонтеры продолжают за ним ухаживать, угроза психушки, кажется, миновала. Радио Свобода транслирует передачу Виктора Некрасова «Варлам Шаламов»; сделана она за месяц до смерти писателя и в начале следующего года будет звучать уже некрологом.

1982

14 января (часто пишут, что на день позже) Шаламова в отсутствие опекунов, но, согласно Ивану Исаеву, поставив в известность Сиротинскую, насильно перевозят в приют для умалишенных, заведение тюремного типа – классический случай «карательной медицины», повлекший за собой, что следует подчеркнуть, смерть преследуемого, иначе говоря, род убийства. По дороге он простужается. Три полных дня лежит в общей палате без помощи и ухода и, наконец, умирает на руках Елены Захаровой и Людмилы Анис от пневмонии и нервного потрясения. Без преувеличения «колымская» смерть, описанная и, пожалуй, напророченная им в «Шерри-бренди». Зайвая узнает о его смерти на третий день от соседа, слушающего «Голос Америки», Шрейдер – от Зайвой, Сиротинская (по словам Зайвой со ссылкой на саму Сиротинскую) – от Шрейдера. Захарова приписывает Шаламову последнюю волю похоронить его по православному обряду. По словам Глэда, 17 января, в день смерти Шаламова, он волей случая делает в Вашингтоне доклад о его жизни и творчестве. 19 января некролог в «Нью-Йорк Таймс». Десятки англоязычные газеты, от Цинциннати до Сингапура и от Питсбурга до Сиднея, помещают известие о смерти Шаламова. Некрологи появляются в «Монд», «Гардиан», «Таймс» и других ведущих газетах мира. 20 января по рекомендации отца Александра Меня Шаламова отпевают в церкви Николы-на-Кузнецях, после чего хоронят на Ново-Кунцевском кладбище, за похоронами надзирает политическая полиция. На могиле атеиста-Шаламова устанавливается безыскусный железный крест. Поминки справляют в домах поэта Геннадия Айги и философа Сергея Хоружего, сороковины – в доме Рожанских-Кинд, где Сергей Григорьянц зачитывает Прощальное слово, не сказанное на кладбище. 27 января в «Литературной газете» появляется короткое сообщение о смерти «известного советского поэта» Варлама Шаламова (Виктор Некрасов в Париже откликнется так: «о Шаламове, авторе воистину потрясающих «Колымских рассказов», переведенных чуть ли не на все европейские языки, всего несколько строк в «Литгазете»,.. и то, как об ушедшем поэте – о рассказах ни звука»), а в эмигрантских «Русской мысли» и «Континенте» – небольшой неряшливый некролог, в котором Шаламов именуется «известным русским писателем». «Вестник РХД» посредством цитаты «из частного письма» сухо информирует о смерти Шаламова и похоронах с

навязчивым упором на их церковном характере. Некролог и два письма о похоронах Шаламова печатает нью-йоркская газета «Новое русское слово». Подпольная «Хроника текущих событий» публикует полуанонимный отчет Александра Морозова о последних месяцах пребывания Шаламова в богадельне, близкую к морозовской версию годом позже изложит в журнале Никиты Струве Елена Захарова. Радио Свобода транслирует весьма достойное Поминальное слово Михаила Геллера и Семена Мирского, утверждающих между прочим, что рукопись «Колымских рассказов» попала на Запад «случайно»; сотрудница радиостанции Ирина Каневская предаёт гласности историю о передаче в 1968 году корпуса КР в Париж для издания книгами, в виде статьи это свидетельство перепечатывается журналом «Посев», на протяжении трех десятилетий не привлекая ничего внимания. Польский писатель-эмигрант и тоже лагерник Густав Герлинг-Грудзинский пишет и публикует в польском эмигрантском журнале «Культура» посвященный Шаламову рассказ-некролог «Клеймо». Там же напечатан некролог Михаила Геллера. Рецензия писателя Льва Наврозова на американские сборники «Колымских рассказов» в «The St. John's Review». Переиздание в Нью-Йорке первого сборника в переводе Глэда в мягкой обложке. Парижское эмигрантское издательство ИМКА-Пресс по-смертно переиздает на русском лондонский том «Колымских рассказов», а у Масперо выходит последний том трехтомника КР на французском. Статья Джона Глэда «Поэт Колымы» в августовской «Вашингтон пост». В выступлении на радиостанции «Голос Америки» Роман Гуль рассказывает о передаче Шаламовым «Колымских рассказов» на Запад в 1966 году. Выход в Голландии «Колымских рассказов» сборником и аудиокнигой для слепых в издательствах Arbeiderspers, Амстердам, и Dedicon, Граве. В издательстве Brombergs, Стокгольм, выходит первый сборник КР на шведском. Солженицын обсуждает с советниками президента Рейгана условия встречи, настаивая на личной аудиенции – он не диссидент, а художник, властитель дум (Темплтоновская премия, присужденная через год, тому подтверждением). Сиротинскую повышают в должности до заместителя директора ЦГАЛИ. Смерть Брежнева, место главы государства наследует глава советской политической полиции Юрий Андропов.

К 1989 году, когда в СССР начинают выходить первые сборники «Колымских рассказов», на Западе увидят свет включая переиздания не менее сорока книг шаламовской прозы на десяти языках.

Ни одно русское издательство – ни в СССР, ни за рубежом – не изда-
ло при жизни Шаламова ни одной книги его прозы. Блокада. Была. То-
тальной.

Примечания

* Датировки многих ранних рассказов, а также рассказов 1966-67 и последующих годов (собственно говоря, всех текстов Шаламова) требуют уточнения

** По разумению автора «Конспекта», Мальцев путает – о самиздатском трехтомнике «Колымских рассказов» можно говорить не раньше 1966 года

*** Последовательность событий здесь не совсем ясна, поскольку в черновике письма Шаламова Фридриху Миддельхауве, напечатанном в 4-м Шаламовском сборнике, обратным адресом значится Хорошевское шоссе, дом 10, «кв. 2», в том же черновике, помещенном в 7 томе собрания сочинений, квартира в адресе уже «3», а переехал с этажа на этаж Шаламов приблизительно ранним летом

ЛИТЕРАТУРА

Варлам Шаламов, собрание сочинений в семи томах, М. Терра-Книговек, 2006, 2013

«Варлам Шаламов в свидетельствах современников», сборник, сост. Дмитрий Нич, личное издание, 2014, в электронной библиотеке ImWerden <http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books&pa=showbook&pid=3104>

«Варлам Шаламов в свидетельствах современников. Материалы к биографии. Дополнительный том», сост. Дмитрий Нич, личное издание, 2016, в электронной библиотеке ImWerden <http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books&pa=showbook&pid=4486> (NB! Имеется в виду переиздание 2016 года, 357 стр.)

Блог/электронный архив Шаламова «Варлам Шаламов и концентрационный мир» <http://ru-prichal-ada.livejournal.com/>

Сайт, посвященный Шаламову <http://shalamov.ru/>

Шаламовские сборники, выпуски 1-4

«Варлам Шаламов в контексте мировой литературы и советской истории», сборник статей, М. Литера, 2013

Борис Лесняк, Нина Савоева-Гокинаева, «Я к вам пришел / Я выбрала Колыму», М.: Возвращение, 2016

Ирина Сиротинская, «Мой друг Варлам Шаламов», М. Аллана, 2006

Яков Клоц, «Варлам Шаламов между тамиздатом и Союзом советских писателей (1966-1978)» <http://www.colta.ru/articles/literature/13546>

Валерий Есипов, «Варлам Шаламов», М. «Молодая гвардия», 2012

Дмитрий Нич, декабрь 2012 – ноябрь 2017

Оформление, корректура, цифровая версия автора

Копирование на бумаге иначе как для личного пользования запрещено,
размещение электронной версии допускается только на некоммерческих
сайтах